

В. В. ИСАЕВ

**ОКтябрьская революция 1917 года
и ее последствия
для сибирского казачества на Алтае**

Накануне Октябрьской революции 1917 года сибирское казачество на Алтае располагалось в пределах Бийской казачьей линии 3-го военного отдела Сибирского казачьего войска. Данная линия тянулась по территории Бийского и Змеиногорского уездов Алтайской губернии от Бийска на севере до Усть-Каменогорска на юге. В трех станицах включавших 19 населенных пунктов проживало более 12 тысяч казаков и членов их семей [13, с. 32-33].

Первые известия о победе вооруженного восстания в Петрограде были получены в центре губернии — Барнауле 27 октября 1917 года, через день об этом стало известно в Бийске, затем в других уездных центрах Алтайской губернии. С конца октября на Алтае развернулась ожесточенная борьба большевиков с буржуазными органами власти и революционно-демократическими партиями за переход власти в руки Советов [16, с. 249].

Казачество Бийской линии заняло нейтральную позицию, самоустранившись от разгорающейся политической борьбы в уезде. Привыкшие в своих действиях ориентироваться на Омск, казаки, ввиду неясности положения в «казачьей столице», переключили свое внимание на решение внутривладельческих проблем, которых было немало. Поскольку Февральская революция не решила аграрного вопроса, крестьянское движение после нее не прекращалось. Крестьяне боролись за бывшие кабинетские земли, переданные 27 марта 1917 года Временным правительством в казну [14, с. 40].

Объектом притязаний крестьян становились не только казенные земли, но нередко и земли казачьи. 29 октября 1917 года атаман поселка Секисовского Верхне-Алейской станицы, обращаясь в Войсковую управу Сибирского казачьего войска, писал: «Доношу в Войсковую Управу, что крестьяне Владимирской волости села Секисовского и деревни Быструхинской ведут самовольные порубки леса в нашем юртовом наделе. По охране такового мы уже вышли из силы. Нет никакой возможности охранять лес, почему, а потому, что похитители собираются шайками. При преследовании их, они набрасываются с топорами, тут и приходится невольно отступать от своей собственности, ныне под опасением смерти-убийства. Крестьяне эти есть скандальники, они не понимают никаких распоряжений начальства, которым уже ни раз были изданы распоряжения, что не делать захватов чужих земель и губления лесов. Но эти отщепенцы, крестьяне разоряют внутри, а дети ихние и братья самовольствуют на фронте, а потому я покорнейше прошу Войсковую Управу принять какие-либо меры к прекращению этих беспорядков по разоренности чужого достояния» [3].

В станице Антоньевской, еще летом 1917 года, крестьяне-арендаторы села Михайловского, вопреки договору с местной земельной управой, самовольно распахали и засеяли более 83 дес. казачьей земли [5].

Отношения между крестьянами и казаками, непростые и в прежние годы, с началом Октябрьской революции в ряде мест еще более обострились.

4 декабря 1917 года 3-й областной съезд Советов в Омске провозгласил советскую власть на всей территории Западной Сибири и призвал

местные Советы немедленно взять власть. Решения съезда подтолкнули большевиков и их сторонников на более решительные действия.

8 декабря Барнаульский Военно-революционный комитет объявил о переходе власти в Алтайской губернии в руки Советов. 4 января 1918 года о взятии власти объявил Бийский Совет [1, с. 126].

Казачи Бийского гарнизона, как и казачество Бийской линии, придерживались нейтралитета. По воспоминаниям большевика П. Бедарева: «Вся вооруженная сила в городе состояла из сотни казаков, под командованием графа Меера и 50 милиционеров под управлением этого же графа, одновременно исполняющего обязанности начальника милиции. Казаки, милиция и сам Меер занимали нейтралитет по отношению к политике партии...» [8].

Говоря о казачестве Бийской линии в октябре-декабре 1917 года, необходимо остановиться на политике Советской республики по отношению к казачеству в целом.

С первого дня существования пролетарского государства, ЦК РСДРП(б) и Советское правительство проводили гибкую политику по отношению к трудовому казачеству. Необходимо было оторвать его от «офицерско-кулацких» кругов, нейтрализовать, а затем привлечь на сторону власти Советов. Установление советской власти и ее первые декреты открывали путь к переходу трудовых казаков на сторону советской власти [12, с. 67].

25 ноября Совет Народных Комиссаров принял специальное обращение «От Совета Народных Комиссаров — трудовым казакам», в котором разъяснялось, что советская власть хочет освободить трудовое казачество от кабалы атаманов, которые «стоят за интересы богачей и готовы утопить Россию в крови, только бы отстоять земли за помещиками».

30 ноября Совет Народных Комиссаров заявил, что поддержит все декреты, ставящие своей задачей «освободить трудовых казаков от всех видов кабалы и обеспечить им возможность достойного человеческого существования» [10, с. 157, 170].

9 декабря Совет Народных Комиссаров постановил отменить обязательную воинскую повинность казаков и принять на счет государства обмундирование и снаряжение казаков, призванных на военную службу [12, с. 68].

Характеризуя основные положения обращений Совнаркома к трудовому казачеству в октябре-декабре 1917 года, нельзя не признать привлекательность и положительный отклик, который они получили у рядовых казаков, в первую очередь фронтовиков. Решающую роль в ускорении их перехода на сторону советской власти сыграл Декрет о мире.

Практическое решение вопроса о мире предоставило возможность казачеству Бийской линии вернуться домой, в свои станицы, приступить к мирному труду. Фронтовики принесли с собой правду о советской власти, ее декретах, что способствовало углублению раскола и росту советских настроений в казачьей среде.

Конечно, они не могли сразу изменить настроение станичников, но их агитация усилила колебания основной массы, представленной на Алтае преимущественно средними слоями казачества. Так, например, будущие лидеры трудового казачества Игнатий, Павел и Иван Пичугины, Матвей и Алексей Назаровы имели в своих хозяйствах соответственно: 6, 3, 7, 7 и 11 лошадей, 26, 9, 9, 10 и 20 коров, достаточное количество земли [6].

Однако переоценивать роль фронтового казачества в пропаганде советских идей было бы неправомечно. В основном оно представляло средние и богатые слои и защищало их интересы. Так, в станице Антоньевской прибывшие с фронта казаки не поддержали своих товарищей Михаила Фалалеева, Александра Круглыхина и Николая Угрюмова, агитировавших станичников голосовать на выборах в Учредительное собрание за большевиков. «Смутьяны» были подвергнуты унижительной публичной порке и высланы обратно на фронт, искупать свою вину.

В наступающем 1918 году в Алтайской губернии продолжалась работа по дальнейшей организации и укреплению советской власти. Большую роль в этом сыграл 2-й губернский съезд Советов крестьянских депутатов, проходивший в Барнауле с 27 января по 3 февраля 1918 года. В резолюции о власти он записал: «...Вся власть, как в центре, так и на местах, должна быть в руках Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов» [15].

Решение земельного вопроса, волновавшего не только крестьян, но и казаков, было отложено, так как еще не были собраны сведения о количестве удобной земли и численности населения Алтайской губернии, а также не определена норма землепользования.

В Бийском уезде, несмотря на то, что еще 4 января 1918 года Бийский Совет объявил о взятии власти в свои руки, фактически вопрос о власти оставался открытым. В городе наряду с Советом существовала городская дума, которая, опираясь на Горный союз сельских кооперативов, земство и продовольственную управу принимала самостоятельные решения. Однако постепенно чаша весов склонялась на сторону большевиков и их сторонников.

В январе им удалось удалить из Совета крестьянских депутатов эсеров, сменить руководство милиции. 8 марта была упразднена дума и распущено земство. Попытки политических противников оказать сопротивление

ние, убийство большевика Фомченко завершились тем, что из Барнаула на помощь Совету прибыла рота красногвардейцев в 150 человек.

С ее прибытием решалась и судьба казаков Бийского гарнизона. По воспоминаниям П. Бедарева: «Решено было обезоружить казаков. Вопрос поставили на обсуждение объединенного закрытого заседания Совета депутатов. Мы вполне сознавали, что казаки с добра не сдадутся. Решено было напасть на них ночью. В ту же ночь план был приведен в исполнение и прошел очень удачно» [13, с. 82-83].

Значительным событием в жизни Бийского уезда стало открытие 23 марта 1918 года 3-го Крестьянского уездного съезда. Съезд наметил пути осуществления земельной реформы в уезде. Был определен порядок наделения землей, гласивший: «Вся земля должна быть распределена по трудовой норме от 12 лет до потери трудоспособности индивидуума; землею наделяются лица обоего пола, как в селах, деревнях, поселках, а также и в городе» [7]. Норма пахотной посевной земли была определена в три десятины на душу. Съездом подчеркивалось: «Все инородцы и казаки, находящиеся в Бийском уезде, подчиняются настоящим постановлениям и пользуются всем наравне с крестьянским населением» [7]. Такое решение земельного вопроса грозило казачеству Бийской линии большими земельными потерями. По данным Бийской уездной земельной управы, излишки пахотной и покосной земли по потребительно-трудовой норме в казачьих поселениях составляли: в поселке Тулатинском — 397,5 дес., в поселке Сосновском — 571,1 дес., в поселке Яровском — 1263,3 дес., в станции Чарышской — 668,95 дес. и т. д. [4].

Осуществить на практике решения 3-го Крестьянского съезда, ввиду непродолжительности существования советской власти в Бийском уезде, оказалось невозможным.

На Бийской линии в январе-марте 1918 года наблюдалось затишье, многие из фронтовиков ушли от политики в семью, в хозяйство, которое надо было поднимать после долгого отсутствия. Со стороны Бийска, занятого внутренней борьбой, никакого воздействия на казачью линию не оказывалось, в силу чего она жила своей жизнью.

Совершенно иной была обстановка в центре Сибирского войска — Омске. Значительная часть казачества восприняла Октябрьскую революцию как государственный переворот. 1 ноября 1917 года Общее собрание представителей воинских частей (4-го, 5-го, 7-го, 8-го полков), штаба Сибирского войска и Совказдепа, обсудив вопрос о событиях в Петрограде, постановило: «призвать все строевые части и все население Сибирского казачьего войска всемерно поддержать Временное Правительство в его борьбе с мятежниками и помочь ему восстановить в стране государственный порядок» [9].

15 ноября Малый круг и Войсковой Совказдеп заключили политическое соглашение, которое предусматривало создание новой все-российской власти путем соглашения земских, городских, войсковых самоуправлений, профессиональных, армейских организаций и всех социалистических партий, за исключением большевиков. Однако союз этот оказался недолгим. В ноябре-декабре трудовые казаки создают представительную организацию общевойскового масштаба (Войсковой Совет казачьих депутатов строевых частей), с ее помощью распространяют свое влияние почти на все строевые части, выставляют свой список кандидатов в Учредительное собрание, разрабатывают собственную политическую программу, благодаря предвыборной агитации увеличивают число своих сторонников в станицах, вмешиваются сначала в военное, а затем и в гражданское управление войском, настойчиво требуют создания земельных комитетов, временной войсковой власти со своим участием и созыва 3-го круга.

Нарастающий внутривойсковой конфликт разрешился 26 января 1918 года. Совказдеп арестовал Войсковое правительство и фактически признал советскую власть, хотя официально декларировал свою нейтральность [18, с. 15].

В конце января 1918 года было объявлено о созыве 3-го войскового круга. С 11 по 25 февраля на Бийской линии прошли избирательные собрания по выдвижению делегатов на войсковой круг. Протоколы собраний свидетельствуют, что имущественное положение не играло решающей роли при выборе делегатов. В поселке Сосновском предпочтение было отдано фронтовику Константину Алексеевичу Пичугину, в хозяйстве которого, по данным сельскохозяйственной переписи 1917 года, числились 1 лошадь и 1 корова, а из сельхозинвентаря лишь плуг и железная борона. В станице Чарышской выбор пал на учителя Елисея Гавриловича Карболина. Делегаты Антоньевской и Слюденской станиц — Михаил Герасимович Кайдаш и Иван Платонович Кусков были по казачьим меркам середняками [6].

3-й войсковой круг Сибирского казачьего войска проходил в Омске с 15 марта по 9 апреля 1918 года. Он признал советскую власть, Брестский мир, Декрет о земле и избрал новый, казачье-разночинский по составу, Войсковой Совет казачьих депутатов. В его состав вошел делегат от Бийской линии заведующий Чарышским начальным училищем казак Елисей Гаврилович Карболин.

Круг принял особый закон о внутривойсковой бессословной социализации земли, по которому должны были быть безвозмездно отчуждены все офицерские участки, а разночинцев, т. е. лиц невойскового со-

словия, проживающих в войске, но не имевших до революции права на надел (таких было 140 тысяч), предполагалось наделить землей наравне с казаками [17, с. 3].

Закон о социализации земли вызвал бурную дискуссию среди депутатов, 58 из них (в том числе депутаты станиц Антоньевской и Терской Михаил Кайдаш и Василий Вязигин) подписали «особое мнение», в котором выразили свое принципиальное несогласие с мнением большинства.

Для проведения в жизнь решений 3-го войскового круга в казачьи станицы были направлены представители Совказдепа. Один из них, Елисей Гаврилович Карболин, в качестве комиссара выехал на Бийскую линию. Ему предстояло довести до сведения населения законы о землеустройстве и землепользовании, самоуправлении, чрезвычайном единовременном прогрессивно-поимущественном налоге и пр. Кроме того, Карболин должен был заняться организацией районных и станичных земельных комитетов, советов земского хозяйства, народных судов и оценочных комиссий. Исполнительный комитет Совказдепа обращал особое внимание на необходимость установления тесных взаимоотношений с Алтайским губернским и Бийским уездным Совдепами.

Возложенные на него обязанности Карболин не выполнил. Приехав в станицу Чарышскую и столкнувшись с явным недовольством казачества решениями 3-го войскового круга, Карболин отказался от звания члена Войскового Совета, о чем сообщил Совказдепу в своем заявлении [13, с. 86].

Успехи советской власти активизировали движение трудового казачества. Во главе его шли фронтовики. Именно они, прошедшие фронт, впитавшие в себя идеи Октября, в течение долгого времени вырванные из сословных рамок, оказались наиболее серьезной силой трудового казачества Бийской линии.

Фронтовиков поддерживала станичная молодежь, немногочисленная беднота и, что интересно, некоторые «старики», традиционно считавшиеся наиболее консервативной частью казачества.

В поселках и станицах проводилась политика «расказачивания», т. е. лишение казачьего сословия тех привилегий, какими оно пользовалось в сравнении с остальным крестьянским населением. Инициатором этой политики на Алтае выступал Бийский Совдеп.

1 мая 1918 года в поселке Сосновском казак Игнатий Константинович Пичугин снял с себя звание казака и расказачил вместе с собой 49 дворов. Большинство голосов (66 против 38) сосновцы постановили расказачиться и перейти из войскового самоуправления в общеуездное. В тот же день в поселке был избран Совдеп из 8-человек, который направил своих представителей в станицу Чарышскую.

15 мая в станице Чарышской состоялся Съезд Советов казачьих станиц. Благодаря активной позиции сосновцев, съезд выразил согласие на перевод казаков на общее гражданское звание. Для оформления принятого решения съезд избрал из своей среды делегата Алексея Назарова.

Движение трудового казачества не получило широкого распространения. Средние слои казачества, составлявшие на Бийской линии большинство населения, продолжали колебаться. Эти колебания особенно ярко проявились в вопросе о расказачивании. После съезда в станице Чарышской лишь сосновские казаки обратились в Алтайскую губернскую земскую управу с ходатайством о перечислении их в крестьянское сословие.

Многих казаков пугала перспектива уравнительного передела земли с крестьянами. Даже в самом революционном поселке Сосновском идею расказачивания поддержали далеко не все: 49 дворов из 97. Казаки, связанные между собой военной организацией, дисциплиной и многими другими атрибутами казачьей жизни, с трудом поддавались советской агитации. Большим авторитетом по-прежнему пользовались станичные и поселковые атаманы, офицеры и «старики». Не всегда казаки, даже признав советскую власть, проводили в жизнь ее принципы, не торопились с ликвидацией земств или под предлогом «нейтралитета» воздерживались от создания органов новой власти. Так, в станице Чарышской наряду с Советом до начала Гражданской войны успешно работала станичная управа земского хозяйства [13, с. 88].

Отношение казачества к мероприятиям советской власти можно рассмотреть на примере станицы Чарышской, документы которой сохранились в наибольшей степени.

2 апреля 1918 года Комиссариат торговли и промышленности Бийского Совета обратился в Чарышский исполнительный станичный комитет с предложением собрать и доставить в недельный срок сведения о количестве предприятий и учреждений в районе волости, их финансовой смете и источниках кредитования.

Станичный исполком уклонился от ответа. 26 апреля Комиссариат повторно, на этот раз уже потребовал «немедленно исполнить» его предложение. Но ответа вновь не получил. Лишь с созданием в станице Совета положение стало постепенно меняться. 29 мая финансовую отчетность предоставил Чарышский союз сельских кооперативов, 7 июня поступили сведения о мельницах, а также сельскохозяйственная ведомость с ответами на указанные в ней вопросы [2].

На сельскохозяйственной ведомости следует остановиться особо. Информация, представленная в ней, отличается крайней необъективностью.

На вопросы: сколько десятин земли в селе пустоет, сколько имеется семенного материала и излишков семян, имеется ли лишний хлеб и есть

ли незапаханные поля, дается категорический ответ — нет. Между тем материалы сельскохозяйственной переписи 1917 года свидетельствуют об обратном.

Касаясь организации и деятельности Советов на Бийской линии, необходимо признать, что их влияние на казачью жизнь оказалось весьма слабым. Не обладавшие реальной властью и авторитетом, они не могли стать прочной опорой советской власти в казачьей среде. Казаки в большинстве своем относились к Советам с недоверием и подозрительностью. И это было характерно не только для них, но и для населения Бийского уезда в целом.

Политика Советского правительства в отношении казачества, активно проводившаяся в первые послеоктябрьские месяцы, в 1918 году приостановилась. Лишь после событий весны 1918 года в казачьих районах страны большевики решили довести до логического конца государственно-правовое оформление политики партии по отношению к трудовому казачеству.

1 июня 1918 года был обнародован «Декрет об организации управления казачьими областями». Декрет предоставлял казачьим областям достаточно широкую автономию. Отныне они рассматривались как отдельные административные единицы местных советских объединений (т. е. как губернии). Трудовому казачеству совместно и на равных правах с проживающими на казачьих землях трудовым крестьянством и рабочими предоставлялось право организации советской власти в форме: войсковых или областных (по типу губернских), районных или окружных (по типу уездных), станичных или поселковых (по типу волостных) Советов казачьих, крестьянских и рабочих депутатов. Для согласованной работы и разрешения общекраевых и государственных вопросов войсковые Советы казачьих, крестьянских и рабочих депутатов получали представительство в краевых советских объединениях и во Всероссийском центральном исполнительном комитете Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Представители трудового казачества при ВЦИК должны были образовать секцию, которая делегировала своих членов во все народные комиссариаты для разрешения вопросов, касающихся казачьих областей и войск [11, с. 375-378]. Однако выход столь необходимого для казачества декрета явно запоздал, к этому времени в Сибири уже шла Гражданская война.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борьба за власть Советов на Алтае: исторический очерк / под ред. Т. А. Кулакова. — Барнаул, 1957. — 464 с.
2. ГААК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 115. Л. 70-81.

3. ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 60. Л. 1.
4. ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 86. Л. 16-17.
5. ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 98. Л. 77.
6. ГААК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 777.
7. ГААК. Ф.Р-9. Оп. 1. Д. 158. Л. 17.
8. ГААК. ФР. 1061. Оп. 1. Д. 106. Л. 2.
9. ГАОО. Ф. 1706. Оп. 1. Д. 11. Л. 36.
10. Декреты Советской власти. Т. I: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. — М., 1957. — 626 с.
11. Декреты Советской власти. Т. II: 17 марта — 10 июля 1918 г. М., 1959. — 686 с.
12. Ермолин А. П. Революция и казачество (1917-1920 гг.). — М., 1982. — 224 с.
13. Исаев В. В. Казачество Бийской линии в революции и гражданской войне: монография. — Барнаул, 2004. — 283 с.
14. Клушин Д. В., Скубневский В. А., Храмов А. А. Революционные события на Алтае. — Барнаул, 1987. — 245 с.
15. Красный Алтай. — 1920. — № 61.
16. Очерки истории Алтайского края. — Барнаул, 1987. — 448 с.
17. Шулдяков В. Гибель Сибирского казачьего войска // Северовосток. — 1992. — № 9.
18. Шулдяков В. А. Социально-политические процессы в Сибирском казачьем войске (март 1917 — май 1918 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Томск, 1994.